

УДК 167.7

DOI: 10.5840/dspl20192336

К ВОПРОСУ О СТАТУСЕ УНИВЕРСАЛЬНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ

Тухватулина Лиана Анваровна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: spero-meliora@bk.ru

В первой части статьи анализируется феномен междисциплинарного знания в социальных науках как выражение поиска оснований универсальной рациональности. Реконструируется программа умеренного унификационизма в философии науки (Ф. Китчер). Далее формулируются критические замечания к концепции универсальной рациональности Р. Веджвуда. Автор полагает, что ключевым недостатком этой концепции является психологистский подход к реконструкции рациональности. В качестве альтернативы автор предлагает комплексную модель, которая позволяет концептуализировать рациональность через соотношение трех ее измерений – нормативного, субъективного и институционального.

Ключевые слова: рациональность, умеренный унификационизм, Веджвуд, Китчер, универсализм, объективность

Цитирование: Тухватулина Л.А. К вопросу о статусе универсальной рациональности // *The Digital Scholar: Philosopher's Lab / Цифровой ученый: лаборатория философа*. 2019. Т. 2. № 3. С. 53-59. DOI: 10.5840/dspl20192336

ON THE STATUS OF UNIVERSAL RATIONALITY

Liana A. Tukhvatulina – CSc in Philosophy, research fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya St., 109240, Moscow, Russian Federation; e-mail: spero-meliora@bk.ru

The author considers interdisciplinary tendencies in the social sciences in the context of the idea of universal rationality. She discusses the concept of moderate unificationism in the philosophy of science by Philip Kitcher. The author provides some arguments against the concept of universal rationality by Ralph Wedgwood. She argues that the key disadvantage of Wedgwood's project is that it pays too much attention to one's mental states. However, the author claims that the mental states reduction is an unnecessary step for the reconstruction of one's rationality. Meanwhile, she suggests a way to consider rationality within the juxtaposition of its normative, individual and institutional aspects.

Keywords: rationality, moderate unificationism, Wedgwood, Kitcher, universalism, objectivism

Might be cited as: Tukhvatulina, Liana. 2019. On the status of universal rationality, *The Digital Scholar: Philosopher's Lab*, 2 (3): 53-59. DOI: 10.5840/dspl20192336. (In Russian)

Проблема поиска оснований универсальной рациональности в современной философии науки не в последнюю очередь связана с анализом специфики междисциплинарного знания. Так, кооперация различных областей знания в социальных науках обосновывается в качестве попытки построения единой онтологии посредством выработки общего языка описания социальной реальности. Такого рода обоснование призвано подчеркнуть, что формирование междисциплинарных направлений инициировано в первую очередь внутренней логикой развития научного знания и вовсе не может быть сведено к научно-организационным решениям (появлению междисциплинарных образовательных программ и факультетов, выделению грантов на соответствующие исследования и проч.).

Универсализм и умеренный унификационизм

Первенство среди дисциплин, готовых к интеграции со смежными областями знания, принадлежит экономике и психологии. Так, универсалистские притязания экономики удачно выражены в словах американского экономиста Джека Хиршлейфера: «... нельзя не отметить, что подобного рода экспансионизм имеет и значимые эпистемологические преимущества: именно аналитический аппарат науки экономики (такие понятия, как “дефицит”, “издержки”, “предпочтения”, “возможности” и проч.) подкрепляет ее “империалистские” притязания. Здесь важнее всего структурная композиция этих понятий, позволяющая сочетать различные, но взаимосоотнесенные уровни анализа – индивидуальный и социальный. Экономика в действительности предлагает универсальную грамматику социального анализа» [Hirshleifer, 1985, p. 53]. При этом нельзя не отметить, что идея универсализации не встречает однозначного признания в научной среде – ее оценки варьируются между оправданием «методологического экуменизма» и разоблачением «методологического империализма» [Mäki, 2002]. Кроме того, сомнения скептиков укрепляет то обстоятельство, что последние 30 лет серьезной критике подвергалась теория рационального выбора – концептуальное ядро универсалистской программы в экономике.

Между тем отсутствие консенсуса по вопросу о возможности и необходимости единого языка описания социальной реальности подталкивает к выводу о том, что принцип унификационизма, основанный на предпосылке об универсальной рациональности, должен рассматриваться лишь в качестве регулятивной идеи в науке. Эту позицию, в частности, защищает один из видных философов науки Филип Китчер. «Умеренные унификационисты убеждены, что мир сам по себе не является упорядоченным, а понимание различных феноменов требует использования понятий, которые не могут быть сведены друг к другу. Тем не менее, они видят, что практика наук связана с идеалом такого единства, которое достижимо благодаря исследованию различных перспектив, позволяю-

щих объединить с виду разрозненные эмпирические результаты в ограниченном количестве объяснительных схем. В какой-то мере это отражает мысль Т. Гексли о том, что «цель науки – свести к минимуму основополагающее непонимание» [Kitcher, 1999, p. 339]. При этом, «умеренный унификационизм поддерживает идеал объединения индивидуальных перспектив, однако отрицает, что существует конкретное число позиций, к которым может быть сведено «фундаментальное непонимание»» [Kitcher, 1999, p. 345]. Стоит заметить, что тезис умеренной унификации вовсе не требует отрицания дисциплинарной самостоятельности отдельных областей научного знания (унификационистам, скажем, чужда идея редукции биологии к химии, а химии – к физике). Он, скорее, позволяет выразить ту идею, что даже в условиях нарастающей специализации научное знание сохраняет единство – как на метанормативном, так и на ценностном уровне. Всякая область науки стремится к преодолению незнания, к построению описаний и объяснений изучаемых феноменов – в этом и заключается общая устремленность к минимизации «основополагающего непонимания».

Тем самым методологические принципы, выражающие универсальные рациональные основания научного поиска, позволяют сформулировать критерии демаркации науки. Принципы наблюдаемости, проверяемости, опровергаемости, простоты, соответствия, системности и инвариантности обладают статусом общеобязательных методологических регулятивов. Одной из важных характеристик этих принципов является «одинаковость их центрального общего содержания при их использовании в построении различных теорий и различных научных дисциплин, т.е. инвариантность их содержания» [Илларионов, 2007, с. 211]. Значимость этих принципов не поколебала ни постпозитивистская критика, ни аргументы социологии знания. Доводы скептиков указывают лишь на то, что данные принципы не являются единственными регулятивами научной деятельности, однако это соображение не отменяет их необходимости. Так, сложно представить, чтобы профессиональный рецензент, проводя экспертизу научной статьи, мог бы обосновать отказ в публикации, скажем, расхождением партийных позиции – своей и автора. Какими бы ни были скрытые субъективные мотивы участников реер review, аргументация экспертов предполагает оценку соответствия представленного исследования общему канону научности. При этом поддерживает эту своего рода универсальную экспертную рациональность не в последнюю очередь институт репутации. «Доброе имя», реноме объективного и добросовестного эксперта составляют существенную часть символического капитала в науке. Однако сохранение этого реноме при современных медийных средствах публичного выражения разногласий возможно лишь в том случае, если каждая из сторон изначально не идет против общезначимых правил.

Приведенный пример, несмотря на всю его банальность, позволяет сформулировать общее определение понятия рациональности.

Рациональность возникает на пересечении трех измерений: 1) нормативных оснований той или иной сферы человеческой деятельности; 2) субъективно полагаемого смысла, характеризующего принимаемые (интериоризованные) индивидом нормативные установки; 3) меры устойчивости процесса воспроизводства социальных институтов внутри социальной системы. Именно взаимосотнесение этих трех измерений позволяет избегать крайностей субъектоцентризма в интерпретации понятия рациональности.

Оппонируя Р. Веджвуду

В этой связи стоит обратиться к концепции универсальной рациональности (УР) Р. Веджвуда, которую упомянула Татьяна Дмитриевна Соколова. Как представляется, по крайней мере два из приведенных автором условий построения концепции УР исходят из субъектоцентристских предпосылок. Так, первое условие предполагает понимание рациональности в качестве интеллектуальной добродетели (virtue). Однако такой способ рассмотрения требует ответа на вопрос о природе этой добродетели. По-видимому, горизонт проблематизации здесь пролегает между натурализмом (прояснение когнитивной природы субъекта с использованием данных естественных наук) и трансцендентализмом (отсылка к некоему высшему началу) [Касавин, 2019]. При этом характерно, что каждый из этих подходов так или иначе предполагает рассмотрение добродетели в изоляции от социального контекста, в котором формируются рациональные установки. И такого рода изоляция неслучайна – ведь если мы хотим отыскать основания *универсальной* рациональности, то нам следует вынести за скобки социальные предпосылки, поскольку они неизбежно релятивизируют понятие рациональности. Так, если предположить, что интеллектуальные добродетели возникают в результате интериоризации нормативных установок, специфичных для той или иной области деятельности, то добродетель утрачивает имманентные характеристики и задается контекстуально. В свою очередь, контекстуализм не совместим с идеей универсальности – именно поэтому понятие рациональности должно быть подвергнуто «социальной депривации», если мы хотим оставаться на универсалистских позициях.

Однако особенно уязвимым в перечне Веджвуда мне представляется положение о необходимости сугубо «интерналистской» интерпретации рациональности (через оценку ментальных состояний мыслящего субъекта). Отметим, что Татьяна Дмитриевна полагает, что мы вынуждены признать этот пункт, если хотим оставаться догматиками. Однако возникает вопрос: зачем догматику, и без того находящемуся в осадном положении, создавать дополнительные поводы для критики? С учетом доводов оппонентов психологизма в XX в. едва ли этот союз укрепит позиции догматизма. Однако даже если мы примем установки психологизма и сведем обоснование рациональности к описанию многообразия менталь-

ных состояний и их отношений между собой, не совсем понятно, на каких основаниях будет производиться обобщение этих описаний, необходимое для сохранения нормативного статуса понятия рациональности (а тем более, универсальной рациональности!). Кроме того, третье условие Веджвуда нивелирует значение второго. Ведь, оказывается, нам вовсе и не нужно специально анализировать ментальные состояния, поскольку степень рациональности субъекта в конечном счете выявляется через соотношение с «внешней нормой корректности». А сама эта оценка становится возможной тогда, когда внутренние ментальные состояния объективируются через слово или действие. Это последнее обстоятельство позволяет заключить, что можно без особых потерь отказаться от сложной и не вполне методологически прозрачной процедуры описания ментальных состояний и рассматривать сознание как «черный ящик», об устройстве которого нам ничего неизвестно. При этом мера адекватности (корректности) ответов этого «ящика» на внешние стимулы и будет характеризовать меру его рациональности. По-видимому, функционалистский подход, допускающий меньшее число переменных, при всей своей простоте успешно замещает подход Веджвуда.

Универсальная рациональность без догматизма

Одним из главных препятствий на пути строгого определения рациональности является ее коммуникативная природа. Рациональность в самом широком смысле можно понимать как одно из условий успешного взаимодействия между субъектом и окружающим его миром (другими субъектами, социальными институтами, природой). В этой связи емким определением проблемы рациональности мне кажется то, что было предложено В.С. Швыревым: «Суть рациональности как философско-мировоззренческой проблемы составляют поиски метафизически обосновываемой осознанной гармонизации человека и бытия, “вписывания” человека в окружающий мир» [Швырев, 1995, с. 8]. Это определение указывает на то, что мера рациональности позволяет оценивать основные изменения в плане «гармонизации человека и бытия». Тем самым понятие рациональности должно выражать процессуальность. При этом универсальным остается общий подход к реконструкции рациональности через взаимосоотнесение названных выше трех ее измерений. В этой связи рискну предложить общую модель анализа рациональности, которая предполагает учет ее многослойной структуры. На первом этапе мы должны выявить формальные регулятивы, которые конституируют ту или иную область человеческой деятельности (науку, политику, право, образование и проч.). Далее в контексте case studies анализируются факторы мотивации субъектов, действующих в этой области. На этом этапе проявляются нормы, значимые для смыслополагания акторов. При этом совершенно не нужно пытаться заглянуть в «черный ящик» сознания

– достаточно экспликации тех установок, которые выражаются в практической деятельности. Наконец, благодаря соотношению этих двух уровней мы получаем представление о рациональных основаниях организации социальных институтов, которые конституируются соотношением формально-нормативных установок и практической целерациональностью субъектов. Стабильность воспроизводства социальных институтов достигается при том условии, что расхождение между индивидуальным смыслополаганием и нормативными установлениями не достигает критических величин. Преимуществом такого способа анализа рациональности видится то, что он позволяет совмещать индивидуальный и социальный уровни анализа, избегая тем самым крайностей субъектоцентризма. Кроме того, стоит отметить, что этот подход может претендовать на универсальность, не будучи при этом догматичным.

Благодарности

Статья подготовлена при поддержке РФФИ, проект №18-311-00282 «Рациональность в гуманитарных науках: теоретические противоречия и дисциплинарная практика».

Acknowledgements

This research is supported by the Russian Foundation of Basic Research, research project no. 18-311-00282 “Rationality in the Humanities: Theoretical Contradictions and Disciplinary Practices”.

Список литературы

Илларионов, 2007 – *Илларионов С.В.* Теория познания и философия науки. М.: РОССПЭН, 2007. 535 с.

Касавин, 2019 – *Касавин И.Т.* Эпистемология добродетелей: к сорокалетию поворота в аналитической философии // *Epistemology & Philosophy of Science / Эпистемология и философия науки.* 2019. Т. 56. № 3. С. 6–19.

Швырев, 1995 – *Швырев В.С.* Рациональность как философская проблема // *Рациональность как предмет философского исследования /* под ред. В.С. Швырева, Б.И. Пружинина. М.: ИФРАН, 1995. С. 3–20.

Hirshleifer, 1985 – *Hirschleifer J.* The Expanding Domain of Economics // *The American Economic Review.* 1985. Vol. 75. No. 6. P. 53–68.

Kitcher, 1999 – *Kitcher P.* Unification as a Regulative Ideal // *Perspectives on Science.* 1999. Vol. 7. No. 3. P. 337–348.

Mäki, 2002 – *Mäki U.* Symposium on Explanations and Social Ontology: Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism // *Economics and Philosophy.* 2002. Vol. 18. No. 2. P. 235–257. DOI: 10.1017/S0266267102002031.

References

Hirshleifer, J. The Expanding Domain of Economics, *The American Economic Review*, 1985, vol. 75, no. 6, pp. 53–68.

Illarionov, S.V. *Teoriia poznaniia i filosofii nauki* [Theory of Knowledge and Philosophy of Science]. Moscow: ROSSPEN Publ., 2007, 535 pp. (In Russian)

Kasavin, I.T. Epistemologiya dobrodeteli: k sorokaletiiu povorota v analiticheskoi filosofii [Virtue Epistemology: On the 40th Anniversary of the Turn in Analytical Philosophy], *Epistemologiya i filosofiya nauki /Epistemology & Philosophy of Science*, 2019, vol. 56, no. 3, pp. 6–19. (In Russian)

Kitcher, P. Unification as a Regulative Ideal, *Perspectives on Science*, 1999, vol. 7, no. 3, pp. 337–348.

Mäki, U. Symposium on Explanations and Social Ontology: Explanatory Ecumenism and Economics Imperialism, *Economics and Philosophy*, 2002, vol. 18, no. 2, pp. 235–257. DOI:10.1017/S0266267102002031.

Shvyrev, V.S. Ratsionalnost kak filosofskaia problema [Rationality as a Philosophical Problem], in: V.S. Shvyrev, V.A. Lektoskiy (eds.), *Ratsionalnost kak predmet filosofskogo issledovaniia* [Rationality as a Matter of Philosophical Research]. Moscow: IF RAN Publ., 1995, pp. 3–20. (In Russian).

Поступила в редакцию 13.08.2019